

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Е. М. Медведев

ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ИНДИИ В VI—VII вв.

(по данным Сюань Цзана)

В индологической литературе существует представление об упадке городской культуры и городов в Индии в середине I тысячелетия н. э., связанном с возникновением феодального строя. «Рабовладельческое» хозяйство древней Индии противопоставляется замкнутому самообеспечивающемуся производству при феодализме как товарное, а высокая «рабовладельческая» культура — примитивной «феодальной» [см., например, 34, 66 и др.; 8, 78; 2, 557—559]. Это представление возникло по аналогии с западноевропейским путем развития и не имеет под собой прочного основания. В частности, само существование рабовладельческой формации в древней Индии не подтверждено убедительными доказательствами. Мы можем лишь констатировать, что число упоминаний «даса» и «даси» — терминов, далеко не всегда адекватных понятиям «раб» и «рабыня», — довольно велико [см. 19; 16; 6; 2].

С нашей точки зрения, социально-экономический строй древней Индии можно охарактеризовать как раннеклассовый многоукладный, где доминирующее значение в общественном производстве имел феодальный уклад, сосуществовавший с рабовладельческим. В первой половине I тысячелетия н. э. происходит переход от ранних форм феодальной эксплуатации, главным образом централизованных, государственных, к развитой феодальной структуре с преобладанием частной феодальной собственности. Складывание средневекового феодального общества предстает, следовательно, в новом свете как медленная эволюция в пределах однотипных производственных отношений при постепенном упадке рабовладельческого уклада [9; 10; 7; 13; 12]. В связи с этим иначе рисуется и судьба города, судьба городской культуры, в значительной мере индийской культуры этого периода вообще.

Для изучения истории раннесредневекового города наибольшую ценность должны иметь результаты археологических раскопок, однако, к сожалению, археологическое изучение железного века в Индии к настоящему времени еще недостаточно развито и не позволяет составить цельную картину жизни городов. Нумизматика дает подчас важные, но косвенные сведения. Поэтому нашим главным источником остаются письменные памятники. Среди них центральное место занимает уникальное по полноте данных сочинение китайского путешественника Сюань Цзана «Си-Ю-Цзы» — «Записки о Западном мире». В 630—645 гг. в качестве буддиста-паломника он объехал значительную часть Индии. Точность его сообщений многократно подтверждалась археологическими находками. Описание Сюань Цзаном Индии в настоящее время нельзя заменить каким-либо иным источником. Существенным

дополнением «Записок» является «Житие Сюань Цзана», составленное учениками путешественника по его дневникам и записям. В деталях «Житие» менее надежно, чем книга самого Сюань Цзана.

Для наших целей среди разнообразных данных этих источников представляют интерес характеристики состояния областей и городов Индии, которые собственно и послужили поводом к возникновению мнения об упадке городской жизни в Индии в VI—VII вв. Внимательное рассмотрение этих сведений позволит проверить правильность такого заключения. В работе нами использованы полные английские переводы «Записок о Западном мире» и «Жития Сюань Цзана», выполненные Сэмюэлом Билом [35; 30], и уточненный, но неполный перевод «Записок» Томаса Уоттерса, где часть текста дана в его переложении [36]. Изучение такого важного памятника в английских переводах имеет, конечно, свои недостатки, однако другой возможности у автора не было ввиду незнания вэньяня. В середине прошлого века Сюань Цзана перевел на русский язык акад. В. П. Васильев. Эта ценная рукопись, хранящаяся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, оказалась чрезвычайно трудной для чтения и не была использована.

* * *

В период раннего средневековья в Северной Индии сохранилась большая часть известных старинных городов — центров ремесла и земледелия, возникли новые города. Сюань Цзан отметил большое число процветающих городов, но описал также области и города, находившиеся тогда в состоянии упадка. Данные о состоянии городов, названных Сюань Цзаном, почти не с чем сравнивать, но все же в отдельных случаях мы имеем сведения о некоторых из них, относящиеся к V или VI в.

В частности, свидетелем упадка ряда древних городов и областей — знаменитых центров буддизма — был другой китайский путешественник — паломник Фа Сянь, посетивший Индию в начале V в., когда империя Гуптов достигла апогея своего могущества в царствование Чандрагупты II Викрамадитьи.

О городе Шравати (в районе современного г. Сахет-Махет) Фа Сянь замечает: «Этот город малонаселен, в нем живет лишь около двухсот семей» [24, 43]. О родине Будды, столице шакьев — Капилавасту он писал: «В этом городе нет ни царя, ни горожан; он выглядит совсем заброшенным. Здесь живут лишь несколько монахов и семей мирян» [24, 60]¹. «Страна Капилавасту пустынна и по ее дорогам путешествует мало людей из страха перед белыми слонами и львами. Без великих предосторожностей одному здесь путешествовать нельзя» [24, 51]. Затем Фа Сянь посетил Кушинагару: «Этот город почти совсем покинут, в нем осталась только горстка монахов и немного мирян» [24, 54]. Спустя два с лишним столетия Сюань Цзан писал о царстве Шравати: «Главный город пустынен и разрушен. Нет записи о его точных границах. Руины стен, окружающие царский город, имеют в окружности 20 ли². Хотя большинство зданий разрушено, здесь еще есть жители. Злаки произрастают в великом изобилии, климат мягкий и прият-

¹ Имеются в виду буддийские монахи и миряне-буддисты.

² Ли, согласно С. Билу, равнялось примерно 300 м. Ян Куань в своем «Исследовании о размерах „чи“ в различные исторические эпохи Китая» (Шанхай, 1955, на кит. языке) установил, что «чи» (1 : 1800 ли) в период Суй составляло 0,274 м, при династии Тан — 0,302 м. Таким образом, суйское ли равно 493,2 м, танское ли — 543,6 м. В «Древней Индии» Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин приняли длину ли в 270 м. Однако значение ли у Сюань Цзана неизвестно, поэтому размеры здесь даются без перевода в километры.

ный, нрав людей честный и простой. Они уделяют внимание образованию и любят религию. Есть несколько сангхарам (буддийских монастырей.— *Е. М.*), большинство их в развалинах. В них очень мало адептов, они изучают книги школы Самматия. Есть сто храмов дэвов с многочисленными еретиками (т. е. индусских храмов: еретики — небуддисты.— *Е. М.*)» [35, II, 1—2].

На первый взгляд кажется, что описания обоих пилигримов одинаковы. Однако Сюань Цзан уточняет, что древняя столица Кошалы находится в руинах, но сама область густо заселена и изобилует хлебом. Если буддийские монастыри бедствуют, то индусских храмов много и они процветают (см. подобные же сведения о других областях).

Совсем безотрадную картину рисует Сюань Цзан, рассказывая о Капилавасту: «В этой стране около десяти заброшенных городов, все они покинуты жителями и разрушены. Столица разрушена и лежит в руинах. Ее окружность не может быть точно измерена. Стены царской резиденции, находящейся в пределах города, имеют 14 или 15 ли в окружности. Они были построены из кирпича. Основания стен еще крепки и высоки. Город уже давно необитаем. Населенные деревни (или улицы) малочисленны и пустынные» [35, II, 24]³.

По-видимому, фраза о том, что окружность города не может быть точно измерена, как и соответствующее замечание о Шравастии, указывает на то, что руины под действием разрушительных сил времени уже частично сровнялись с землей или стали трудноразличимыми. Судя по всему, эти города пришли в упадок и стали разрушаться задолго до посещения их китайскими паломниками. Во всяком случае это произошло еще в догуттскую эпоху. Приведенный выше отрывок и последующие слова Сюань Цзана как будто противоречат друг другу. Сюань Цзан говорит, что в стране «нет верховного правителя, каждый город назначает своего собственного правителя. Почва богатая и плодородная и обрабатывается в обычный сезон. Климат ровный, обращение людей мягкое и любезное» [там же]. Из этого сообщения можно заключить, что Сюань Цзан имел в виду в данном случае не «десять заброшенных городов», а другие населенные города. Благоприятная характеристика сельского хозяйства и населения, хотя и выраженная не очень определенно, не согласуется с заявлением о малочисленности и пустынности деревень. Поэтому представляется более вероятным запасной вариант перевода С. Била — не «деревни» малочисленны и пустынные, а «улицы», тем более что эта фраза следует непосредственно за описанием города Капилавасту. В таком случае это место можно понять так, что в городе сохранились немногие населенные улицы, однако и они пустынные. Далее наш автор говорит о сохранившейся еще буддийской сангхараме в Капилавасту и «двух храмах дэвов». Совершенно очевидно, что эти два храма также находились в городе, ибо предположение о том, что Сюань Цзан имел здесь в виду всю область, неправдоподобно, так как население в эту эпоху упадка буддизма исповедовало индуизм [35, II, 25].

Следуя на восток, Сюань Цзан пришел в царство Рамаграма (не упоминаемое Фа Сянем), которое было «уже много лет пустынно и разрушено». «Города разрушены и жителей мало», — продолжает Сюань Цзан [35, II, 25].

Столь же определенно описание царства Кушинагара: «Столица этой страны в руинах, города ее и деревни заброшены и разрушены.

³ У Т. Уоттерса перевод здесь другой: «Так как этот район долгое время был необитаемым, то в нем население очень редкое» [36, т. II, 1].

Кирпичные фундаменты стен старой столицы имеют около 10 ли в окружности. Жителей мало и улицы города пустынные» [35, II, 31].

Приведенные высказывания Фа Сяня и Сюань Цзана ясно показывают, что упадок пригималайской области, почти целиком примыкающей к непальским тераям или даже включающей их, наступил задолго до того времени, к которому обычно относят установление господства феодализма, и потому предполагаемая перестройка экономики не могла оказать решающего влияния. Причины регресса еще не ясны. Возможно, здесь сыграло роль «перемещение политических и религиозных центров» [14, 83]. Перечисленные города стояли в стороне от основных торговых магистралей, по которым развивался товарооборот. Изоляция этого района была связана и с природными условиями: от пригангских областей он был отделен труднопреодолимыми лесами [35, II, 43]. Экономическое значение этого района в древности могло быть далеко не столь большим, как это можно предположить, принимая на веру данные буддийских сочинений. Поэтому с разложением кшатрийских олигархических государственно-племенных образований (ган) пригималайский район, потеряв бывшее политическое значение, оказался на положении маловажной окраинной провинции экономически передовых североиндийских государств. В этот период военные нападения (например, из Непала и Тибета) и связанное с этим разорение могли еще больше усугубить кризис.

Подобные предположения можно высказать и о городах области Вриджии — территории ганы, образовавшейся на базе союза племен. Сюань Цзан говорит, что столица страны Вайшали «большой частью разрушена. В старом царском городе есть еще около 3000 домов; это поселение может быть названо деревней или местечком (a village or a town)» [35, II, 78]. Сюань Цзан упоминает здесь еще о двух древних очень давно покинутых городах [35, II, 74, 80].

В то же время Сюань Цзан говорит, что почва в стране Вриджии «богатая и плодородная... Есть несколько десятков храмов дэвов с огромным числом неверных» [35, II, 77—78]. О соседней области Вайшали, в былые времена объединенной с Вриджии в рамках одного государства — ганы, говорится: «Почва богатая и плодородная, здесь изобилие цветов и плодов. Манго и бананов очень много, и они высоко ценятся. Климат приятный, умеренный. Поведение людей прямое и честное. Они любят свою религию и очень уважают образованность. Еретики и верующие живут вместе... Есть несколько сот сангхарам, которые в большинстве полуразрушены. В трех или пяти, что еще сохранились, монахов мало. Есть несколько десятков храмов дэвов, занятых сектантами разных толков. Последователи ниргрантхов очень многочисленны» [35, II, 66]. Из этих отрывков можно сделать заключение о благополучном состоянии сельского хозяйства в противоположность разрушению городской экономики.

Один из крупнейших городов древней Индии, столица конфедерации Вриджии, — Вайшали, по описанию Сюань Цзана, «в значительной степени разрушен. Развалины его старых построек имеют от 60 до 70 ли в окружности. Царский город имеет 4 или 5 ли в окружности. В нем мало жителей» [35, II, 66]. Вайшали (на месте современного Басарха) находился близко от Ганга, на небольшом расстоянии от Паталипутры. Фа Сянь еще называл Паталипутру «величайшим городом во всем Среднем царстве» (т. е. Мадхьядеше); люди, по его мнению, «богатые и процветающие и соперничают друг с другом в совершении добрых дел» [24, 60]. Паталипутра в это время была столицей Гуптской империи.

Сюань Цзан рисует совсем другую картину. Он пишет, что со времени Ашоки «сменились многие поколения и теперь остались только основания древних стен. Сангхарамы, храмы дэвов и ступы, которые все лежат в развалинах, можно насчитать сотнями. Только два или три (строения) остались целы. К северу от древнего дворца на берегу Ганга есть маленький поселок, состоящий примерно из тысячи домов» [35, II, 86; см. также 30, 101]⁴. По-видимому, этот городок и послужил основой будущей Патны.

Вопреки Сюань Цзану окончательное разрушение Паталипутры произошло незадолго до его прибытия в Индию, скорее всего в VI в., так как для ее гибели не было причин при могущественных гуптских императорах. В VI в., в период распада Гуптского государства и борьбы между феодальными государствами за преобладание в долине Ганга, закончившейся длительной войной между Шашанкой и Харшей (около 606 г.— до конца 30-х годов VII в.), Паталипутра и другие города Магадхи могли серьезно пострадать и — при неблагоприятной экономической конъюнктуре — прийти в запустение.

В целом Сюань Цзан говорит о Магадхе скорее как о стране процветающей, чем разоренной: «В укрепленных городах живут лишь немногие жители, но селения (towns) густо населены. Почва богатая и плодородная, урожаи зерна обильны» [35, II, 82]⁵. Таким образом, хотя Магадха в течение нескольких десятилетий была ареной военных действий, пострадали, по-видимому, в основном «укрепленные города», опорные пункты боровшихся за власть над Магадхой противников. Вероятно, значительный ущерб городам принесли, в частности, преследования буддистов Шашанкой, о чем упоминает Сюань Цзан⁶. Буддийская традиция также сохранила воспоминания о гонениях Шашанки. В «Арья-манджушримулякальпа» царь Сома, отождествляемый с Шашанкой (оба имени имеют значение «луна») [см., в частности, 25, прил. В, прим. к стр. 168], назван «совершителем злых дел» и после смерти «отправился в ад» [28, 50—51]. В этом же источнике говорится и о смутах, наступивших после смерти Шашанки.

Страна Каджугхира (Kie-chu-hoh-khi-lo), или, как восстанавливает Т. Уоттерс, Каджангала [36, II, 183], также отмечена Сюань Цзаном как область с пришедшими в упадок городами, причем он сам предлагает объяснение этому: «В течение последних столетий царская династия вымерла, страна управлялась соседним государством, вследствие чего города покинуты жителями и большая часть населения рассеялась

⁴ Уоттерс переводит это место так: «К северу от столицы, близ Ганга, был маленький, обнесенный стеной город с примерно тысячей жителей».

⁵ Следует отметить, что не всегда ясно, город или деревня имеется в виду в английских переводах «Записок», когда употребляется слово «town». А. М. Осипов, например, в этом месте переводит: «Города, укрепленные стенами, не имеют много жителей, но обычные города густо населены» [15, I, 159]. В некоторых случаях, очевидно, что подразумеваются деревни, возможно, большие села. Например, в 8—9 ли к юго-западу от монастыря Наланда был «town» Кулика (Ku-li-ka), в 20 ли от него «town» Ka-lo-pi-na-ka [36, II, 1]. Это были деревни, о чем можно судить и по характерным названиям. Автор «Жития Сюань Цзана» Хуэй Ли называл Кулику «монастырской деревней». В санскритских источниках соответствующие селения около Наланды названы grāma [36, II, 172]. В некоторых случаях С. Бил переводил употреблявшийся в источнике иероглиф как «village»: «мы пришли к густонаселенной большой деревне на южном берегу реки Ганг» [35, II, 184]. У Уоттерса это место переведено так: «a large populous town» [36, II, 176].

⁶ «После того как Шашанка-раджа разрушил религию Будды, духовенство было разогнано и рассеяно на многие годы» [35, II, 42]; «Недавно Шашанка-раджа, когда он ниспровергал и уничтожал закон Будды...» [35, II, 91]; «Шашанка-раджа, будучи сторонником ереси, порочил религию Будды и из зависти разрушил монастыри и срубил дерево Бодхи» [35, II, 118].

по деревням и поселкам» [35, II, 193]. Каджугхира идентифицирована с современным Раджмахалом [21, 478]. От Магадхи эту часть Западной Бенгалии отделяли царства Хиранья-парвата (примерно соответствует современному дистрикту Монгхир) и Чампа (дистрикт Бхэгальпур), характеристика экономики которых положительная, причем о признаках упадка городов ничего не сказано. Вероятно, политические неурядицы, продолжавшиеся длительное время, могли нанести значительный ущерб именно городам, подорвав их весьма узкую экономическую базу и сравнительно мало затронув натуральный уклад сельской жизни. По видимому, Каджугхира в VI — начале VII в. была спорной территорией между правителями Магадхи из династии имперских Гуптов, а затем поздних Гуптов, и бенгальскими правителями, ставшими самостоятельными уже в начале VI в. (см. Фаридпурские грамоты из Восточной Бенгалии [26, 1910 г., XXXIX, 39]), особенно государем Гауды Шашанкой и его предшественниками. Следует заметить, что и Харша воевал здесь. Из-за разорения городов, как объясняет Сюань Цзан, он построил временный лагерь с дворцом «из ветвей и сучьев» [35, II, 193], который был сожжен после его отъезда.

Третий район с признаками упадка и разрушения городов — некоторые области Панджаба и верхней части долины Инда. Причины регресса здесь достаточно ясны: это результат эфталитского нашествия. По уровню своего социально-экономического развития эфталиты (*hūṇa* индийских источников, часто называемые в литературе «белыми гуннами») стояли неизмеримо ниже земледельческого населения плодородных долин Индии. Китайский посол в страну эфталитов Сун Юн, посетивший Северо-Западную Индию в 518 г. в царствование Михиракулы, описывал е-да (эфталитов) как людей, занятых отгонным скотоводством — об этом говорит фраза, что «летом народ ищет прохлады в горах; зимой люди расходятся по деревням», т. е. нарисована картина, типичная для жителей афганских гор и предгорий. Характерная деталь — кожаная одежда е-да. По словам Сун Юна, у них не было письменности, «их правила вежливости очень несовершенны» [35, I, XCI]. У е-да «нет городов, обнесенных крепостными стенами, но они поддерживают порядок с помощью постоянной армии, которая то и дело передвигается то туда, то сюда» [35, т. I, стр. XC—XCI].

Индийская историческая традиция сохранила воспоминание о тяжелых испытаниях, выпавших на долю народа в пору эфталитского нашествия. В «Раджатарангини» Кальханы говорится: «Когда земля была опустошена ордами млеччхов⁷, его (Васукулы, иначе Тораманы. — Е. М.) сын Михиракула, человек столь неистового нрава, что его можно сравнить с богом разрушения, стал царем... О его приближении население, бегущее от него, узнавало, увидев грифов, ворон и других подобных птиц, стремящихся напитаться трупами тех, кто был убит его войсками... Этот страшный враг человечества избивал всех и не знал ни жалости к детям, ни милосердия к женщинам, ни уважения к старикам» [33, 34—35].

Это позднее предание совпадает с данными современников. Сун Юн сообщает: «Нрав этого царя (или династии⁸) был жестокий и мстительный, и он совершал самые варварские жестокости» [35, I, стр. C].

Согласно Сун Юну, е-да «разрушили» Гандхару за два поколения до его посещения Индии [35, I, стр. C], т. е. примерно в середине V в. [см. об этом: 31, I, 75]. При Сюань Цзане Гандхара была под властью

⁷ Здесь имеются в виду эфталиты — хуна.

⁸ Имеется в виду Торамана (490—515) или, скорее, правители эфталитов вообще.

Капиши. «Города и деревни покинуты, жителей очень мало», — сообщает китайский путешественник. Он отмечает большие размеры Пурушапуры (современный Пешавар) — около 40 ли в окружности, но далее выясняется, что город почти необитаем и только «в одной части царской цитадели живет около тысячи семей» [35, I, 97].

Из археологических данных известно, что к V в. относится разрушение таксильских монастырей, но о судьбе города Таксилы в сущности ничего не известно [5, 80]. Сюань Цзан говорит о небольшом размере города (10 ли в окружности — это у Сюань Цзана минимальная цифра для характеристики города). Он упоминает о неурядицах в стране («знать силой борется за власть») и указывает, что «земля славится плодородием и дает богатые урожаи» [35, I, 136—137]. Таким образом, у нас нет определенных сведений об экономическом состоянии Таксилы. Скорее всего, после эфталитского завоевания город не смог оправиться и захирел.

В Таккадеше (Панджаб) Сюань Цзан говорит об упадке только одного города Шакалы, который имел 20 ли в окружности. Теперь «в середине его построен маленький город примерно 6—7 ли в окружности; жители его зажиточны, богаты» [35, I, 167; 36, I, 238]. Даже если предположить, что древняя Шакала не была разграблена и разрушена в V в., то она могла прийти в упадок уже во времена Михиракулы, ставкой которого она являлась, так как быт эфталитов был весьма примитивным и не способствовал сохранению городской жизни. Столицей Такки Сюань Цзан называет, однако, другой город средних размеров (около 20 ли в окружности). Одновременно с эфталитами в Панджаб пришли гурджарские племена, находившиеся, по-видимому, на том же уровне развития; они жили здесь и в последующие века.

Наконец, указан еще один разрушенный город — столица «царства» Сругхна, расположенного в верхней части долины Ганга и Ямуны и примыкающего к Гималаям [35, I, 186—187].

Упадок тех или иных областей и городов Северной Индии был вызван разными причинами, однако обращает на себя внимание замедленность восстановления некоторых городских центров, если не отсутствие его вообще. В течение десятилетий, а если говорить о пригималайской полосе, в течение многих столетий, попыток восстановления городских центров не предпринималось. То, что было разрушено и заброшено, оставалось незаселенным и разрушалось окончательно. Пригималайские районы в течение всего средневековья были захолустьем, ничем не напоминающим картин величия и процветания, рисуемых в буддийских легендах. Здесь вообще до последнего времени не строили сколько-нибудь крупных новых городов. Это ясно показывает, что сложение средневекового феодального общества не было причиной исчезновения древних городских центров.

Исчезли навсегда некоторые города и в других пострадавших в V—VI вв. районах, как, например, Таксила. Пурушапура возродилась как более или менее крупный торговый центр через длительное время. Патна в средние века оставалась малозначительным городом; говоря о раннем средневековье, о ней можно и не упоминать.

Оценивая приведенные выше данные в целом, можно заключить, что условия экономической жизни в Индии в IV—VIII вв. в ряде районов не способствовали восстановлению городов и в какой-то степени ограничивали их развитие.

Однако, делая такое обобщение, нельзя говорить лишь о регрессе городской экономики. Ведь большинство городов Северной Индии, по данным того же источника, не только не стали жертвами упадка,

но поразили китайского путешественника богатством и многолюдностью, причем особенно важно то, что эти города находились в районах, которые в раннее средневековье и в последующую эпоху играли важную и даже определяющую роль в экономическом развитии и политической жизни Индии. Это еще раз подтверждает явление смещения хозяйственно-политических центров в I тысячелетии н. э.

В бурных событиях раннефеодального периода складываются культурно-хозяйственные зоны Северной Индии, соответствующие в целом важнейшим государственным образованиям, и территории основных национальных групп, послуживших затем основой для образования крупнейших народностей [3, 103 и сл.].

Наиболее важной уже в VII в., безусловно, становится область долины Ганга от Восточного Панджаба до Варанаси (Центральная зона). Эта территория сначала составляла основу державы Харши, а позже — в VIII—X вв. — империи Гурджара-Прагитхаров. На востоке выделяется Бенгальская зона, с конца V — начала VI в. фактически обладавшая политической самостоятельностью и почти всегда объединявшая Бенгалию и часть Бихара в рамках единого государства (Гауды, затем государства Палов и Сенов). Магадха оказалась промежуточной зоной между этими двумя зонами. На западе очерчивается две зоны: экономически развитые Мальва и Гуджарат и отсталая Раджпутана. На северо-западе — Панджаб и Синд, причем последний по типу хозяйства и общему уровню развития сходен с Раджпутаной, а панджабский район хотя и походил на Джамна-Гангское двуречье, но большого самостоятельного значения в политической жизни не имел.

За пределами собственно Северной Индии, в областях Декана, тесно связанных с ней историческими судьбами, следует отметить две зоны: Ориссу (Одра, Конгода и Калинга) и Махараштру. Последняя, не отличаясь высоким развитием торговли и городской жизни (за исключением Конкана), обладала рядом общих хозяйственных и этнических признаков и составляла основу ряда крупных государств (ранних Чалукьев из Ватапи, Раштракутов, Западных Чалукьев из Кальяни, Ядавов).

Крупнейшим городом Северной Индии в VII в. и последующих веках был Каньякубджа, или Канаудж. При ширине 4—5 ли он тянулся на 20 ли. «Город окружен сухим рвом с крепкими и очень высокими башнями, стоящими друг за другом. Всюду видны цветы и прозрачные, чистые озера и пруды, сверкающие, как зеркала. Здесь в большом количестве скапливаются ценные товары. Народ зажиточен и доволен, дома богатые, добротные⁹. Всюду много цветов и плодов. Посев и уборка урожая производятся в соответствии с сезоном. Климат приятный и мягкий; люди честные и искренние. По виду люди благородны и добры. Они одеваются в узорчатые и яркие (ткани)¹⁰. Они много занимаются учением и во время своих путешествий часто обсуждают религиозные вопросы. Их чистый язык известен далеко. Верующих в Будду и еретиков здесь приблизительно поровну. Здесь имеется около сотни сангхам с 10 000 монахов... Есть двести храмов дэвов с несколькими тысячами последователей (т. е., вероятно, священнослужителей.— Е. М.)» [35, I, 207].

⁹ В переводе Т. Уоттерса это место звучит иначе: «Здесь собраны редкие вещи из чужих краев. Жители зажиточны и есть семьи, обладающие великим богатством» [36, I, 340].

¹⁰ В переводе Т. Уоттерса: «Люди имеют утонченные манеры и одеты в блестящие шелковые платья; они занимаются и ремеслами» [36, I, 340].

Для правильной оценки сообщения Сюань Цзана необходимо, конечно, учитывать, что это был образованный человек, пришедший из страны с высокой культурой и многочисленными большими городами. Индийская действительность вряд ли могла показать такое развитие городской жизни, которое бы особенно удивило его. Поэтому мы не можем заподозрить его в преувеличении, когда дело касается описания Канауджа и других индийских городов. Возвышение Канауджа началось, очевидно, во второй половине VI в., когда он стал столицей государства Маукхариев. Богатство и великолепие его в записках Сюань Цзана объясняются в большой степени тем, что Канаудж был уже столицей державы Харши. В нем находилась главная ставка Харши, двор, войско. Это обстоятельство способствовало росту города, но главным были, конечно, близость к основным торговым путям и выгодное его местоположение в центре важнейшего экономического района и государства. К тому же Канаудж был местом религиозного паломничества буддистов. Сюань Цзан рисует яркую картину использования монахами религиозных чувств буддийских паломников. Верующим показывают «зуб Будды около полудрагоценного камня длиной. Народ собирается сюда из ближних мест и издалека. Выдающиеся люди во множестве собираются здесь вместе для поклонения. Каждый день приходят сотни и тысячи (людей). Охраняющие реликвию, ввиду шума и беспорядка, которые бывают из-за множества народа, установили за осмотр (зуба) высокую плату и объявили всюду, что тот, кто желает видеть зуб Будды, должен уплатить одну большую золотую монету. Тем не менее верующих, которые приходят на поклонение, очень много, и они рады уплатить сбор в одну золотую монету» [35, I, 222]. Сюань Цзан, конечно, говорит подробно только о буддийских святых и монастырях, но индусских храмов было в Канаудже и округе больше, чем буддийских сангхарам (свыше 200).

Расцвет Канауджа приходится на время правления Пратихаров. Во время вторжения Махмуда Газневи современник писал о нем как о городе, который «вознес свою главу к небесам и который справедливо может похвалиться, что по мощи и архитектуре он не имеет себе равных» [см. 18, 243].

Вторым крупнейшим городом Северной Индии, по сведениям Сюань Цзана, был Варанаси (Бенарес). Его размеры — 18—19 ли в длину и 5—6 ли в ширину. Сюань Цзан сообщает, что город густо населен, «семьи очень богатые и в жилищах есть редкостные вещи»¹¹. Варанаси издавна был центром религиозного паломничества индусов, и Сюань Цзан более подробно, чем обычно, рассказывает в этом месте об индусах и храмах и описывает аскетов — саньсяи, многочисленность которых, очевидно, бросилась в глаза путешественнику. Индусская храмовая архитектура и скульптура поразили Сюань Цзана своим совершенством. Характер этих сведений подтверждает данные о Варанаси как одном из важнейших торговых и ремесленных городов и центре паломничества. Очевидно, последнее обстоятельство создавало постоянную благоприятную конъюнктуру для торговли города, хотя основой его процветания, несомненно, было выгодное местоположение на основной торговой артерии Северной Индии — Ганге, в экономически высокоразвитой области. Варанаси уже тогда специализировался, в частности, на производстве дорогих шелковых и парчовых тканей [20, 587].

¹¹ У Т. Уоттерса эта фраза передана так: «Жители очень многочисленны и имеют безграничные богатства, их дома полны драгоценностей» [36, II, 47].

С древних времен святым местом считалась Праяга. Сюань Цзан рассказывает, что сюда приходит много людей, чтобы смыть грехи в **священных водах** и умереть. Но известно, что Праяга всегда была и местом паломничества. Праяга была знаменита и как место раздачи благотворительных религиозных даров. Харша каждые 5 лет, по существовавшей традиции, устраивал здесь съезды своих вассалов, во время которых раздавал накопленную казну брахманам, буддийским монахам, нищим и беднякам [35, I, 233]. Размеры Праяги, по Сюань Цзану, были сравнительно невелики: 20 ли в окружности, что соответствовало наиболее часто встречающейся у этого автора оценке размеров столиц «царств» и большинства упомянутых городов.

К юго-западу от Праяги находился Кошамби (около 30 ли в окружности). Согласно переводу Т. Уоттерса, «его жители предприимчивы и любят ремесла» [36, I, 366]¹². «Ратнавали» — произведение, приписываемое поэту Харше, многими исследователями отождествляемому с царем Харшей, говорит о Кошамби как о городе купцов [22].

Один из главных городов на Джамне — древняя Матхура — описывается Сюань Цзаном как город средних размеров (20 ли в окружности); особенностью его автор считает производство «прекрасных сортов хлопчатобумажной ткани».

Столица княжества дома Пушпабхути, домена Харши — Стханешвара (размерами «20 ли или около того»), поразила Сюань Цзана богатством. «Семьи богаты и живут в чрезмерной роскоши... — писал он. — Большинство народа посвящает себя мирской корысти, немногие занимаются земледелием. Здесь есть множество редких и ценных товаров со всех сторон света» [35, I, 183].

Неизвестно, существовал ли город Стханешвара до VI в., но паломничество в это место, традиционно отождествляемое с полем Курукшетра, где сражались легендарные Пандавы и Кауравы, безусловно, происходило. Вплоть до вторжений Махмуда Газневи Стханешвара была богатым, процветающим городом. Помимо паломничества этому способствовало расположение города на основном пути между долиной Ганга и Панджабом. Сюань Цзан говорит еще о нескольких городах в Центральной зоне Северной Индии — Матипуре (около 20 ли), Маяпуре (20 ли), Вишакхе (16 ли), Кашапуре (10 ли), Айдохье (20 ли), Хаямукке (20 ли), Чен-чу — Гарджарапуре (10 ли). Все области, где расположены эти города, Сюань Цзан описывает как процветающие. Это относится ко всей Центральной зоне — Сюань Цзан неизменно говорит об изобилии здесь зерна и плодов, хороших почвах, в отдельных случаях приводя некоторые подробности. Так, об области Кошамби он говорит: «Земля славится своим плодородием, урожай удивительно большие. Выращивают очень много риса и сахарного тростника» [35, I, 235].

Сведения об этих городах снабжены иногда одобрительными замечаниями. О Кашапуре, например, сказано: «Жители богаты и счастливы...» [35, I, 239]. О Маяпуре (иначе Гангадвара, совр. Хардвар) говорится, что жители его очень многочисленны и что в это святое место всегда «собираются сотни и тысячи людей из далеких областей, чтобы искупаться и омыться» в водах Ганга [35, I, 190]. Из более поздних источников известно, что, используя большой приток богомольцев, торговцы регулярно устраивали в Хардваре ярмарки. О царстве Чен-чу сказано, что народ там «богатый и процветающий, и города и деревни расположены близко друг от друга» [35, II, 61].

¹² В переводе С. Била эта фраза отсутствует.

Положительные черты придает Сюань Цзан также и городам Бенгальской культурно-хозяйственной зоны. Здесь упомянута знаменитая торговыми связями с Юго-Восточной Азией Чампа — город довольно крупных размеров, по определению Сюань Цзана — около 40 ли. По-видимому, наибольшее впечатление на Сюань Цзана произвели городские укрепления: «Стены столицы построены из кирпича, высота их несколько десятков футов¹³. Стены поставлены на очень высоком валу и благодаря высокому эскарпу представляют неодолимое препятствие для атак врагов» [35, II, 192]. Далее говорится о многолюдной Пундравардхане окружностью около 30 ли, о столице Самататы (около 20 ли), о Тамралипти (около 10 ли в окружности) — главном бенгальском порте, о густонаселенной богатой Карнасуварне — столице Гауды (около 20 ли).

Пундравардхана и Карнасуварна возникли или по крайней мере превратились в крупные города, по-видимому, в гуптскую эпоху. Особенно важное значение для внешней торговли имел порт Тамралипти (совр. Тамлук), на что указывают различные источники. Именно из Тамралипти отправился на корабле на Цейлон Фа Сянь. Существование торговли через этот порт со странами Юго-Восточной Азии отмечено в записках И Цзина (конец VII в. [30, стр. XXXVIII; 37, II, 201]. Многие китайские корабли, на которых плыли монахи, упоминаемые И Цзином, направлялись именно сюда. Тамралипти фигурирует в «Дашакумарачарите» Дандина [4, 95] и других произведениях индийской литературы. «Здесь во множестве собраны удивительные ценности и поэтому люди эти вообще очень богаты» [35, II, 201].

В Западной зоне (Мальва и Гуджарат) названы Удджайини, Дхаранагара, Брахманапура, Суратха, Бхарукачха, Валабхи, Анандапура, столица области Каччха, идентифицировать которую трудно.

Знаменитый Удджайини (Удджайяни, совр. Удджайн) стоял на пути из Мадхьядеша к западным портам, через него шел путь и на Декан. Он был центром экономически и политически важного района и почти постоянно служил столицей независимых и вассальных правителей. Будучи одним из главных культурных центров и местом паломничества, он постоянно упоминается в литературе. «Он окружен глубоким, как преисподняя, рвом, как будто океаном, окружившим его по ошибке вместо другой земли, и опоясан оборонительными стенами, белыми от штукатурки, как Кайласа... Его украшение — большие базары, которые подобны океанам, когда их воды пил Агастья, протянувшимся далеко, с золотой пылью вместо песка, с разложенными открыто раковинами и жемчугом, кораллами и изумрудами!.. Он как дерево желаний, которое одаривает своих добрых граждан; он возносит свои островерхние здания, зеркало всех форм... Как дикий танец Шивы, его улыбки — белые базары...» — так описывает Банабхатта город Удджайини в «Кадамбары» [29, 210—212]. Согласно Сюань Цзану, город имел в окружности 30 ли, был богат и многолюден [35, II, 270]. Район Удджайяни Сюань Цзан считает отдельной страной, столицей же Мальвы называет другой большой город (тоже окружностью в 30 ли); возможно, это был Дхаранагара, совр. Дхар [21, 560, 562].

Во всех крупных городах-портах западного побережья главными занятиями были транзитная торговля и мореходство. Сюань Цзан дает точное определение характера экономики прибрежных районов: «Так как эта страна стоит на западной морской дороге, все люди добывают средства к жизни из моря и занимаются торговлей и обменом товаров»

¹³ В тексте, вероятно, «чи», примерно равное англ. футу.

[35, II, 269]. Богатые многолюдные города Суратха (совр. Сурат) и Валабхи (столица государства Валабхи, совр. Бхавнагар) имели, по Сюань Цзану, в окружности по 30 ли, Бхарукачча (совр. Броч) — 20 ли. О Валабхи Сюань Цзан говорит: «Население очень плотное. Семьи богаты. Есть около сотни семей, которые владеют ста лакхами (очевидно, крупные купцы.— Е. М.). Редкостных и ценных товаров из далеких мест здесь очень много» [35, II, 266].

Менее пригодная для земледелия и экономически отсталая Раджпутанская зона описана Сюань Цзаном все же в положительных тонах, города — как большие и богатые. Столица Гурджара-деши Пи-ло-мо-ло (Бальмер?) имела 30 ли в окружности, «население плотное; семьи богаты и хорошо всем обеспечены» [35, II, 270]. Город Атали (не идентифицирован) имел 20 ли в окружности. Об области Атали сказано, что «торговля — главное занятие населения» [35, II, 265], земли не плодородны.

Столица плодородной области Чи-цзы-то (не идентифицирована) имела 15—16 ли в окружности [35, II, 271]. Махешварапура, столица одноименного царства, сходного с областью Уджайини, достигала в окружности 30 ли [35, II, 271]. В Восточной Раджпутане названа Парьятра (совр. Байрат) размерами 14—15 ли. Хотя, описывая эту область, Сюань Цзан говорит об обилии всякого зерна, пшеницы, скороспелого риса, он добавляет, что «быков и овец здесь много, плодов и цветов мало» [35, I, 178].

Синд также охарактеризован Сюань Цзаном как преимущественно скотоводческий район [35, II, 272—273], несмотря на благоприятные условия для выращивания пшеницы, проса и бобов. Так же как и при описании Раджпутаны, Сюань Цзан упоминает сравнительно много городов. Столичный город P'i-shen-p'o-ru-lo достигал в окружности 30 ли, что можно объяснить отчасти выгодным положением на торговом пути по Инду.

Главный город области Атьянабакела — Khie-tsi-shi-fa-lo; вероятно, идентичен важному порту в устье Инда — Дебалу. Его размер — 30 ли. Страна «лежит на реке Син-ту (Инд) и на берегу океана. Дома богато украшены и в них много редкостных и дорогих вещей» [35, II, 276]. В таких выражениях Сюань Цзан рассказывал до сих пор о наиболее богатых городах Индии. К северу от устья Инда была расположена область Питашила с главным городом окружностью в 20 ли, а рядом с ней область Аванда со столицей такой же величины. Оба эти «царства» находились во владении Синда.

Выше говорилось об упадке некоторых районов Панджаба. Общий обзор Панджабской зоны показывает, что ущерб, нанесенный эфталитами экономике этой части Индии, уже в VII в. был в значительной степени устранен. Большая часть Панджаба входила в состав области Такка; о ней у Сюань Цзана сказано, что «почва пригодна для риса и производит много ярового зерна» [35, I, 165]. Столица такой большой области, однако, невелика (около 20 ли), и Сюань Цзан не счел нужным что-либо добавить о ней. Область царства Такка Парвата, судя по названию («Горная») и расположению на северо-восток от Мульта-на, находилась в предгорьях Гималаев, но в описании стран Панджаба она не была включена. Сюань Цзан характеризует ее как густонаселенную плодородную страну. Величина главного города — 20 ли [35, II, 275].

Наиболее богатой частью Панджаба, по Сюань Цзану, оказывается район Мулястханануры (совр. Мульта-на): «(Страна) плотно населена. Семьи богаты... Земля богата и плодородна» [35, II, 274]. В окруж-

ности Мульстханапура достигала 30 ли. Благодаря удобству расположения Мультаг играл важную роль в торговле Северо-Западной Индии. Но внимание Сюань Цзана больше всего привлек знаменитый храм бога Солнца — Адити, к которому стекалось множество верующих. «Цари и знать пяти Индий никогда не забывают сделать подношения драгоценными камнями (этому божеству)... — писал Сюань Цзан. — Люди из всех стран приходят сюда на богомолье. Здесь всегда несколько тысяч паломников» [35, II, 274—275]. Приток богомольцев, как и в других случаях, стимулировал развитие городской экономики.

Кризис, по-видимому, не коснулся двух областей Восточного Панджаба — Джаландхары и Шатадру. Хотя главные города этих «царств» не выделяются большими размерами (12—13 ли и 17—18 ли в окружности), Сюань Цзан свидетельствует об их процветании. «Дома богатые и хорошо всем обеспечены» [35, I, 175—176], — говорит он о Джаландхаре. «Люди одеваются в блестящие шелковые ткани; их одежда изящна и богата» [35, I, 178] — сказано о столице Шатадру. В обеих областях злаки выращивались в изобилии.

В нашем обзоре не были названы государства, расположенные по северо-восточной периферии Индо-Гангской низменности, временами игравшие значительную роль в политической жизни Северной Индии — в первую очередь Камарупа и Кашмир. В экономической жизни их роль сводится почти исключительно к транзитной торговле с Хотаном и Китаем (Кашмир) и Тибетом (Брахмапура, совр. Кумаон, и Непал), причем в период раннего средневековья эти торговые связи довольно часто прерывались и не имели большого значения. Поэтому и роль городов в гималайских долинах также была маловажной. Тем не менее представляет интерес существование, по-видимому, довольно больших городов и в этом районе.

Столица Кашмира несколько раз смещалась в пределах очень узкой территории; может быть, по этой причине Сюань Цзан говорит о ней как об одном из крупнейших городов Индии, рассматривая близко расположенные новые и старые постройки как один город. Во всяком случае площадь Сринагара, по его данным (12—13 ли на 4—5 ли), превышает площадь большинства равнинных городов и лишь Канаудж и Банарас могли бы с ним соперничать. Представляется маловероятным наличие экономической базы для существования такого большого города. Брахмапура в Кумаоне имела размеры 20 ли. По словам Сюань Цзана, жители богаты, «большинство занято торговлей» [35, I, 98]. Столица Непала достигала 20 ли в окружности. Сюань Цзан упоминает об употреблении здесь медной монеты, что можно расценить по крайней мере как свидетельство достаточно развитой торговли.

Камарупа (Ассам) обычно оставалась изолированной областью. Ее экономические связи с Бенгалией и другими районами Индии как будто не оставили существенных следов. Однако мы вообще мало знаем о ранней истории этой местности. В VI—VII вв. Камарупа находилась в пору расцвета, особенно во времена Бхаскаравармана. По Сюань Цзану, кроме большого столичного города (около 30 ли) здесь были и другие города [35, II, 196].

Приведенный Сюань Цзаном материал с достаточной достоверностью рисует картину жизни индийских городов в первой половине VII в. Эти данные, безусловно, являются также и самыми полными для весьма большого периода: по существу, вплоть до конца I тысячелетия у нас нет источников, которые бы давали сведения такого рода в целом для Северной Индии. В то же время ценнейшие данные

Сюань Цзана имеют ограниченное значение (и прежде всего по времени). Необходимо комплексное исследование источников, особенно важно привлечение археологических материалов.

В настоящее время историки располагают скудными данными о городах и торговле в IV—IX вв., поэтому обобщения неизбежно носят предварительный характер, и многое еще остается неясным. Так, серьезным аргументом в пользу точки зрения об упадке торговли и натуральном характере индийской экономики в V—X вв. служит меньшее число находок монет, относящихся к этому периоду, чем к предыдущему и последующему. Особенно заметно отсутствие находок медной монеты. Однако в оценке нумизматических данных следует проявлять осторожность, так как им противоречат эпиграфические и литературные источники. Какие, например, выводы можно сделать из отсутствия находок монет чекана Палов и Раштракутов? Мы, конечно, не можем предполагать, что в государстве Палов (VIII—XII вв.) или Раштракутов (VIII—X вв.) не было в обращении денег. Напротив, имеется немало данных о торговле, деньгах, рынках, денежных сборах и пошлинах, религиозных дарениях денег, исчислении доходов с земли в деньгах и т. д.

Р. Ш. Шарма объясняет этот феномен натуральным характером феодальной экономики [34, 66]. По всей видимости, в этом мнении, так же как в высказанной много раньше сходной точке зрения А. М. Осипова, немало справедливого. Однако сама идея о натурализации индийской экономики в VI—X вв. основана на аналогии с процессами, характерными для перехода западноевропейского общества от античности к феодализму. Если же ее применять к Индии, то потребуются специальное обоснование. В самом деле, правомерна ли такая аналогия? Сходны ли были условия исторического развития в Индии и Европе? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Изучение же истории хозяйства Индии в интересующем нас в данном случае аспекте — дело будущего. Поскольку и в древности и в средневековье господствовало натуральное хозяйство в форме мелкого парцеллярного земледелия, база для развития товарно-денежных отношений всегда оставалась очень узкой, и, если такое развитие происходило, причины его следует искать в каких-то конкретных обстоятельствах, внешних по отношению к основной сфере производства. Например, стимулом развития ткачества мог быть спрос на индийские ткани в странах Средиземноморья. Морская торговля портов Гуджарата, через которые эти ткани и другие товары вывозились в Аравию и Египет, была основой их процветания.

Существенную роль в жизни городов играло удовлетворение потребностей господствующих слоев и армии, поэтому изменения в форме распределения прибавочного продукта земледельцев могли оказывать влияние на уровень товарно-денежных отношений: с ростом частной феодальной собственности местопребыванием большей части господствующего класса стала деревня. Мы неоднократно встречаем указания на то, что феодалы жили в принадлежавших им деревнях [см. 11; 34]. В древности прибавочный продукт, собранный в форме налога, распределялся централизованно, тогда военная и чиновная знать жила, вероятно, главным образом в городах и армия почти полностью содержалась за счет государственных средств. Однако нельзя забывать, что в количественном отношении (территориально, по охвату населения) сфера эксплуатации была в те времена значительно уже, а названных выше мелких и средних феодалов, живущих в деревне, почти не было или было мало. По-видимому, говорить о натурализации хозяйства

масс индийских общинников в целом было бы не более справедливо, чем утверждать, будто у германских племен хозяйство к X в. стало более замкнутым, чем в IV в. Но в некоторых наиболее развитых в древности районах этот процесс, возможно, и происходил. Таким образом, при исследовании данной проблемы необходим дифференцированный подход и изучение конкретных исторических условий существования городов и развития торговли. Надо также иметь в виду, что никогда не существовало абсолютно замкнутого земледельческого хозяйства и его в целом натуральный характер не исключал определенных торговых связей.

В связи с изложенным важно подчеркнуть наличие для всего периода раннего средневековья примерно одинаковых (хотя и скудных) сведений о товарно-денежных отношениях в деревне.

В грамотах и литературных источниках упоминаются сельские рынки (*haṭṭa*, *haṭṭika*), являвшиеся иногда и объектами пожалований (имелись в виду, очевидно, доходы от торговых пошлин) [26, 1883 г., XII, 127—128; 23, III, 264; IV, 243]¹⁴. В Кхалимпурской грамоте Дхармапалы (VIII в.) говорится о дарении четырех деревень с их *haṭṭika* [23, IV, 243]. Надо полагать, что сбор торговых пошлин с рынка не обязательно был связан с владением самой деревней — иначе не было бы необходимости специально оговаривать дарение рынка. В данном случае речь шла о пожаловании объединения деревень, очевидно, общины. В связи с этим следует отметить объяснение лексикографами термина *grāma-tukha* (по-видимому, центр широкой общины, волости) как место базара [32, 373]. Феодалы были заинтересованы в развитии торговли, раджпутский феодал Каккука (X в.), как говорит надпись на колонне, найденной в 20 км от Джодхпура, сам построил торговое местечко (*haṭṭa*) [23, IX, 279—280]¹⁵. Упоминаются начальник рынка (*haṭṭapati*) [34, 248], помещения для сбора торговых пошлин в деревне [34, 247]. В ряде случаев мы узнаем о купцах, живших в деревнях [например, 23, III, 263; XVII, 350]¹⁶. Торговцы, живущие в деревнях [17, рассказы 29, 35, 38, 56, 61, 68, 69] и торгующие на местных рынках [17, рассказ 35], фигурируют в «Шукасаптари». Здесь упомянут купец, скупавший сезам [17, рассказ 35; 27, III, 365]. В другом случае упоминается купец, специализировавшийся на торговле грамом [34, 247]. Характерно, что в источниках называются среди товаров обычные продукты индийского сельского хозяйства: различные виды зерна, сахар и сахарный тростник, масло, хлопок, пряности, красители (индиго, марена), а также ремесленные изделия: пряжа и ткани [34, 246—247]¹⁷. Мы узнаем также о продаже крестьянами пряжи в городе [17, рассказ 58].

Уже эти данные указывают на довольно широкое развитие товарно-денежных отношений в деревне в раннее средневековье. Устанавливаются и товарные связи деревни с городом, поскольку зерно и прочие продукты труда крестьян, скупаемые торговцами, сбывались главным образом в городе.

Конечно, удельный вес продуктов, попадавших в сферу торговли, был, вероятно, невелик, но закрывать глаза на сложность реальных отношений в обществе и не придавать указанным фактам никакого

¹⁴ В «Артхашастре» говорится о наказании плетью на торговой площади посреди селения [1, III, 3]. О рынке в деревне рассказывается и в «Харшачарите» [25, 229].

¹⁵ Ср. упоминания торгового местечка в «Артхашастре» [1, II, 3] и у Дандина [4, 89].

¹⁶ См. также: 34, стр. 247, 252 (в частности, о торговцах зерном).

¹⁷ Речь идет об округе города Артхуны в Раджастхане.

значения вряд ли правильно. В наиболее развитых районах, особенно вокруг больших городов, торгово-рыночные отношения могли оказывать существенное влияние на хозяйственную жизнь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Артхашастра, или Наука политики, М.—Л., 1959.
2. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф., Древняя Индия, Исторический очерк, М., 1969.
3. Ганковский Ю. В., Народы Пакистана, М., 1964.
4. Дандин, Приключения десяти принцев, пер. Ф. И. Щербатского, М., 1964.
5. Ильин Г. Ф., Древний индийский город Таксила, М., 1958.
6. Ильин Г. Ф., Основные проблемы рабства в древней Индии,— «История и культура древней Индии», М., 1963.
7. «История Индии в средние века», М., 1968.
8. «История стран Азии и Африки в средние века», М., 1968.
9. Медведев Е. М., Karmakara и bhṛtaka. К проблеме формирования низших каст,— «Касты в Индии», М., 1965.
10. Медведев Е. М., К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 6.
11. Медведев Е. М., К вопросу о формах землевладения в Северной Индии в VI—VII вв. (по данным эпиграфики),— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
12. Медведев Е. М., Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма,— «Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока», М., 1972.
13. Медведев Е. М., Феодальные отношения в древней и средневековой Индии,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 3.
14. Осипов А. М., Краткий очерк истории Индии до X века, М., 1948.
15. Хрестоматия по истории средних веков, т. I, М., 1961.
16. Чанана Д. Р., Рабство в древней Индии, М., 1964.
17. Шукасапати, Семьдесят рассказов попугая, пер. с санскрита, М., 1960.
18. Banerjea P., Public Administration in Ancient India, Glasgow, 1916.
19. Chana D. R., Slavery in Ancient India, New Delhi, 1960.
20. The Classical Age, Bombay, 1954 (The History and Culture of the Indian People, vol. III).
21. Cunningham A., Ancient Geography of India, Calcutta, 1924.
22. Das S. K., The Economic History of Ancient India, Howrah, 1925.
23. «Epigraphia Indica», Calcutta.
24. Fa-hsien, A Record of the Buddhist Countries, tr. from the Chinese by Li Yung-hsi, Peking, 1957.
25. Harshacharita of Bānabhaṭṭa with the commentary (Sanketa) of Sankara, ed. by Kaśināth Paṇḍurang Parab. 2nd rev. ed., Bombay, 1897.
26. «Indian Antiquary», Calcutta.
27. The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births, ed. by E. B. Cowell, vol. I—VI, Cambridge, 1895—1913.
28. Jayswal K. P., An Imperial History of India in Sanscrit Text (700 B. C.—770 A. D.), Lahore, 1934.
29. Kādambarī of Bāṇa, tr. by C. M. Riding, London, 1896 («Oriental Translation Fund», New series, vol. II).
30. The Life of Hiuen-Tsiang by the Shamah Hwui Li, with an Introduction Containing an Account of the Works of I-Tsing, by S. Bial, London, 1914.
31. Marshall J., Taxila, vol. I—III, Oxford, 1951.
32. Monier-Williams M., A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages, New ed. greatly enlarged and improved, Oxford, a. o.
33. Rājatarāṅgiṇī. The Saga of the Kings of Kashmir, Transl. from the Original Sanscrit of Kalhaṇa... Allahabad, 1935.
34. Sharma R. S., Indian Feudalism: 300—1200, Calcutta, 1963.
35. Hiuen-Tsiang, Chinese Accounts of India, Transl. from the Chinese, vol. 1—4, Calcutta, 1958 (Si-Yu-Ki, Buddhist Records of the Western World).
36. Watters T., On Yuan Chwang's Travels in India (629—645 A. D.), vol. I—II, London, 1904 (Oriental Translation Fund, New Series, vol. XIV—XV).
37. I-Tsing, A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A. D. 671—695), Oxford, 1896.